

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР

Опыт философского размышления

РОССИЯ: ИСТОРИЧЕСКАЯ СУДЬБА «ВТОРОГО МИРА»

В.Н. ШЕВЧЕНКО

В декабре 1994 г. в клубе «Свободное слово» состоялось обсуждение темы «Состоится ли Второй Мир?» В своем докладе известный философ А.С. Панарин подчеркнул, что и после крушения «железного занавеса» и советского режима желанного возвращения России в «Европейский дом» не состоялось. «Кто такая Россия, если первый мир ее почему-то не принимает и делает это ни много ни мало на протяжении сотен лет?»¹ По мнению А.С. Панарина, это объясняется тем, что Россия как Второй мир была и остается особой цивилизацией. Это, конечно, так. Но проблема в целом, как показало обсуждение, оказалась более сложной, чем простое обращение к цивилизационной специфике России, на что обратили внимание многие участники дискуссии. А если взглянуть на проблему с исторической точки зрения, как свидетельствуют хорошо подобранные материалы в Хрестоматии по истории российской общественной мысли «В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией», то невольно напрашивается вывод о том, что Россия как цивилизация в течение ряда столетий вынашивала в себе этот «Второй мир», который реально появился на исторической арене после победы Октябрьской революции².

Одним из самых значимых последствий Октябрьской революции всемирно-исторического характера явилось оформление в мире трех групп стран, различавшихся между собой по наиболее важным параметрам общественной жизни — экономическим, политическим, идеологическим и культурным — Первый мир, Второй мир и Третий мир. При некоторой условности проведения этих границ одно было совершенно ясно. «Второй мир» — это, прежде всего, Советский Союз и созданная с его помощью мировая система социализма, которая выступила, таким образом, системной альтернативой капиталистической мировой системе. Советский общественный строй просуществовал в стране до 1991 — 1993 гг. и затем ушел в историческое небытие. Но у Второго мира без сомнения есть своя и далеко еще не раскрытая предыстория и вполне возможно появится новая форма его исторического бытия.

«Второй мир» и проблема собственного, национального пути развития России

Предыстория Второго мира связана с поисками Россией на протяжении последних столетий своего национального, или собственного, пути развития. Этому кругу весьма непростых и остро дискуссионных проблем посвящена огромная литература. Однако, когда поиски ведутся вне привязки к реальному историческому процессу, они нередко превращаются в конструирование утопий, а их результаты играют дезориентирующую роль. Они выступают, к примеру, в виде идеализации русского царства и осуждения политики «чужебесия», якобы насильственного вытеснения, отрицания народной культуры зарубежными образцами, которая проводится частью правящего слоя со времен Петра I и до сегодняшних дней³. Не следует, конечно, умалять достоинства русского царства, которое иногда даже называют самым свободным государством Европы XVII в., но важно придать проблеме последовательно историческое измерение.

Из всех императоров, кто правил страной после Петра I, самым национальным можно считать Николая I. Обычно принято говорить об эпохе Николая I как об эпохе угрюмой и безжалостной бюрократии, эпохе жесткой цензуры, ограничений для русских в поездках за границу, в установлении контактов с Европой. Это так. Но, с другой стороны, именно в период правления Николая I, именно под гнетом деспотического режима почему-то возникает национальное самосознание и национальное самоуважение, национальная русская литература, музыка, живопись, получившие мировое признание. Император пишет устав Российской академии наук, прослуживший около века, по его распоряжению создаются научные институты и лаборатории, строится крупнейшая по тем временам Пулковская обсерватория, успешно развивается промышленность. Русские люди понемногу перестают испытывать чувство неполноценности и зависти. В одной из работ начала XX в., посвященной эпохе Николая I, говорится, что «никогда, ни раньше, ни позднее, умственное движение в русском обществе не достигало такой глубины и напряженности, как в эту пору»⁴. И в этой же в работе приводятся слова А.И. Герцена о том, что это было удивительное время наружного рабства и внутреннего освобождения. Видимо существует связь между политикой «удаления» России от Западной Европы, противостояния буржуазно-демократическому либерализму и достижениями в сфере отечественной мысли и культуры на национально ориентированном пути развития.

В середине XIX в. Россия встала перед историческим выбором огромной важности. До этого времени Россия общалась с Западом преимущественно как с европейской, или североатлантической экономической мир-системой. Россия осознавала свое отставание, как и различные проявления зависимости. Происходило активное

заимствование западных достижений, но имелись реальные возможности и для сохранения собственного пути развития, т.е. для движения параллельным Западной Европе курсом. Много рассуждал на эту тему П. Чаадаев. «Говорят про Россию, что она не принадлежит ни к Европе, ни к Азии, что это особый мир. Пусть будет так. Но надо еще доказать, что человечество, помимо двух своих сторон, определяемых словами — Запад и Восток, обладает еще третьей стороной»⁵. Конкретика особого мира и особого пути представлялась тогда туманной и неопределенной. Какой может быть национальный путь, когда кругом говорят о европейском образе жизни, как о примере, которому нужно подражать и к которому нужно стремиться?

И все-таки в общественном сознании страны начинается пока только обсуждение проблемы альтернативного капиталистической Европе пути развития. Одно дело рассматривать эту проблему с точки зрения исторического спора между западниками и славянофилами. Другое — обратиться к изучению некоторых «скрытых» ходов самой российской (русской) истории. В эпоху Николая I начинает формироваться иной вектор развития, направленный на удаление от Европы. Внешне он похож на тот, который Бисмарк впоследствии задаст Германии — иной, форсированный путь тоже капиталистического развития. И здесь история, кажется, намечает для России, причем раньше, чем это произошло в Германии, маловероятную, но возможную для нее роль первопроходца альтернативного, но тоже капиталистического пути развития.

Мог ли этот путь реализоваться — особый вопрос. Скорее всего, нет. Вопрос заключается в том, что альтернативный путь в условиях отстающего развития требует четкого противопоставления себя экономическому конкуренту, с которым приходится вести борьбу. Но Николай I попытался отдалиться от Запада и сделать из страны нечто похожее на осажденную крепость. И что получила Россия? Информационную войну, которую развернула Европа, и которая была направлена на дискредитацию политического режима в стране, да и самой страны «угрюмого самодержавия». Для Запада Николай I становится абсолютно неприемлемой фигурой. Николаевская империя была объявлена европейским Западом империей зла. Доказательству этого тезиса была посвящена, к примеру, книга француза Астольфа де Кюстина «Россия в 1839». Свободолюбивая интеллигенция страны борется с режимом или уезжает, как, например, А.И. Герцен, в Европу. И уезжает она, конечно, чаще всего в Лондон, который всячески поощряет выступления эмигрантов против своих правительств. Англия становится прибежищем многих российских борцов с собственным правительством, да и сегодня продолжает оставаться им. Отношение Запада к Советскому Союзу было такое же, как и к николаевской империи. Главная причина такого отторжения страны лежала не про-

сто в вопросах геополитики, она коренилась, прежде всего, в защите экономических интересов стратегического характера.

Идея и возможности национального пути России — ключевые темы во всех сложных и многообразных отношениях России с Западом. Противостояние России любым формам давления со стороны Запада ставило своей целью отстаивание собственного пути, как единственно разумного способа сохранения своей культуры и цивилизационной идентичности. Главная причина непрерывной борьбы Англии, Британской империи (англо-саксонской цивилизации в целом) с Россией состояла и продолжает состоять в том, чтобы не допустить возникновения на континенте центра силы, способного угрожать ее экономическому могуществу. Как пишет талантливый русский геополитик начала XX в. А.Е. Вандам (Едрихин), одним из принципов государственной стратегии англичан «является наложение на континентальные народы особого рода *balance of power*, под которым, по словам лорда Керзона, подразумевается освященное веками решение Англии не допускать на континенте Европы сколько-нибудь опасного преобладания какой бы то ни было державы»⁶. Сегодня многие такие суждения стали общеизвестными и доказанными истинами, в частности, после работ известного отечественного историка А.И. Фурсова⁷.

Смена исторических отношений между Россией и Западом носит циклический, волновой характер. Последствия для страны — постоянная борьба во властных структурах российского государства, в обществе, в культурной среде между удалением от Европы, максимально возможным развитием по собственному, национальному пути и сближением с Европой, максимально возможным уподоблением государственного строя и общественных порядков западной модели развития. Это стержневая проблема всех революционных преобразований в России — универсальный, либерально-демократический парламентский строй, который предлагает Европа, или собственный, национальный путь с его естественно далеко неевропейской моделью государственного устройства.

Если говорить о тенденции на удаление, то впервые указало на возможность самостоятельного и независимого пути развития Русское царство. Затем на этот опасный и непредсказуемый в своих последствиях путь попыталась вступить Николаевская империя, и, наконец, были предприняты запоздалые контрреформы Александром III. В годы существования Советского Союза эта линия получила максимальное воплощение. Вторая тенденция — на сближение и воспроизводство, насколько это возможно, наиболее нужных для жизни, по мнению власти, сторон экономики, общественных порядков Запада. Это — деятельность Петра I, Александра I, Александра II, Николая II (в первую очередь С.Ю. Витте), М.С. Горбачева, руководителей новой России, особенно в 90-е гг. Разумеется, речь идет о доминирующем

векторе в действиях власти и общества, им нередко противостоят в разной степени и в разной форме другие силы и другие взгляды.

Обращение к внешнему фактору позволяет установить правильную оптику рассмотрения содержания и последствий российских революций. В литературе последних десятилетий сложилось определенное направление, главной для которого является мысль о том, что светлые перспективы появлялись у страны, когда Россия поворачивалась к Западу, а все трудности и тупики возникали, когда она удалялась от него. Так, В.К. Кантор пишет о том, что «путь России, в самом деле, особый, в него входит постоянная ориентация на Запад. Это своего рода саморегуляция культуры. И каждый раз происходила... корректировка российского пути по западному образцу»⁸. Наш бывший соотечественник А. Янов написал трехтомную историю России, в которой попытался доказать, что «четырежды на протяжении двух последних столетий предоставляла России история возможность “присоединиться к человечеству”, говоря словами Чаадаева... Три шанса из четырех по разным, как мы еще увидим, причинам были бездарно загублены. Судя по тому, что и сегодня “время славянофильствует”, пятого может и не быть»⁹. Удивительное дело, на протяжении столетий страна, по словам Янова, делает глупость за глупостью, и только он открывает подлинный смысл российской истории. Впрочем, список авторов, стоящих на этих позициях, большой, его можно приводить долго, но аргументы не отличаются особым разнообразием.

Однако широко распространена и противоположная точка зрения. На протяжении столетий в общественной мысли обсуждается вопрос о том, что Россия является страной, выполняющей особую задачу в мире. Россия призвана в этот мир с тем, чтобы предложить некую вселенскую модель общественного устройства (Москва — Третий Рим, Святая Русь, Великая Россия, советская (красная) империя). В этом и заключается мессианство России, каждый раз приобретающее, по мысли авторов, новые доказательства и новый формат. Отсюда и неизбежность тесной связи особого пути России и ее мессианской роли. Собственно с этой целью и конструируется особый путь развития. Но как видно из ранее сказанного, эта проблема особого пути оказывается, прежде всего, тесно связанной с несомненным фактом цикличной конфликтности российской истории в отношениях с Западом в последние столетия.

В самом общем плане можно сказать, что угрозы, исходившие от Запада, были вполне реальными. Как отмечал английский историк А. Тойнби, «угроза России со стороны Запада, ставшая с XIII века хронической, только усиливалась с развитием на Западе технической революции»¹⁰. Наш соотечественник И.А. Ильин отмечал, что «история России есть история длительной национально необходимой обороны»¹¹.

Интересно, что образ осажденной крепости родился в общественном сознании страны не при Сталине, а в эпоху Николая I, а по смыслу возможно еще и раньше — в период правления Ивана IV. Видимо первоосновой этого образа выступает религиозное одиночество Руси, России после падения Константинополя, породившее известный тезис «Россия — Третий Рим». Крымская война середины XIX в. была фактически войной всей Западной Европы против России, против ее попытки отстоять свой самостоятельный курс национального развития.

Антизападный вектор, т.е. вектор на удаление страны от Европы содержал в зародыше еще одно перспективное направление развития страны, и если бы этот вектор был продолжен в дальнейшем, Россия могла бы стать тогда центром совсем иного, но тоже промышленного пути развития. Кстати, на это обращает внимание И. Валлерстайн¹², который пишет, что этот путь мог бы стать для страны особым путем развития. Это путь индустриального развития без капитализма, некапиталистический путь, но это не путь стран третьего мира, а альтернатива тогдашнему Первому миру, т.е. миру англосаксонского капитализма. Эта линия постепенно начинает проявлять себя в общественной мысли пореформенной России, особенно в среде народников.

Исторический тупик пореформенной России: геополитическое, экономическое и внутриполитическое измерения

При Александре II Российская империя как национальная мир-система быстро превращается в отсталое звено вполне сложившейся капиталистической мировой системы. Реформы Александра II были прямо противоположны американским реформам того времени, хотя страны находились в примерно сходных условиях. Америка пошла по пути формирования и защиты внутреннего рынка, своего пути развития национальной экономики. В Германии также, после ее объединения в 1871 г., в результате успешной революции «сверху» складывается иной, принципиально отличный от английского, путь капиталистического развития, который привел Германию к выдающимся результатам, что и сделало ее настоящим врагом Англии. На протяжении всего XIX в. в Германии ведется постоянная борьба против английского экономического либерализма за создание национальной системы политической экономии¹³. В России все складывалось по-другому.

Реформы Александра II способствуют переходу страны на путь зависимого капиталистического развития. Об идее национального пути вспоминает Александр III. Конечно, в принципе Россия могла еще пойти по пути Германии и делала некоторые шаги в этом направлении. Но, с точки зрения исторического времени, было уже поздно.

Отношения между Россией и Германией в конце XIX — начале XX в. начинают определяться тем, что Германия после Бисмарка стала преследовать в отношениях с Россией исключительно свою выгоду. Как писал П. Столыпин, «Россия платит Германии такую громадную дань, которая несравнима ни с какой военной контрибуцией побежденного и обращенного в рабство народа»¹⁴. Имелся в виду неравноправный торговый договор, заключенный между двумя странами в начале 90-х г. XIX в. Россия была вынуждена заключить союз с Францией и Англией, которым удалось столкнуть в войне Россию с Германией и тем самым вывести их из числа своих самых опасных конкурентов на континенте.

Помимо безвыходной геополитической ситуации (и те и другие рассматривали Россию буквально как добычу) необходимо указать и на неспособность царской власти разрешить те внутренние противоречия, которые возникли на пути капиталистической эволюции страны. Анализируя суть сложившейся в стране ситуации, В.И. Ленин подчеркивал, что противоречие между самым отсталым землевладением и самым передовым промышленным и финансовым капитализмом, насажденным сверху, обострялось в России с каждым новым шагом капитализма вперед¹⁵. Это противоречие так и не было разрешено вплоть до революции 1917 г. Конечно, имело место медленное пере рождение царизма в буржуазную монархию. В 1908 г. Ленин в полемике со Струве писал: «Если он (П. Струве) “голосом голосит”, что нам нужен Бисмарк, нужно превращение реакции в революцию сверху, то это именно потому, что Струве *не* видит у нас ни Бисмарка, ни революции сверху»¹⁶. Но обстоятельства сложились так, что никакая революционная реформа «сверху» в России была уже невозможна.

Стратегия царского правительства, хотя и ставила в какой-то степени цель «догнать Европу» (С. Витте), но в реальности породила вовсе не еще одну Германию, а разрушительный экономический и социальный кризис в стране. (Сегодняшняя ситуация во многом аналогична той, что сложилась в России в начале XX в.)

Переход к капитализму как общественной системе, построенной по западным лекалам, не состоялся и не мог состояться. Создаваемый сверху капиталистический уклад был не способен интегрировать общество. Тенденция разложения всей системы социальных отношений становилась все более доминирующей. Столкновение мощных традиционных основ российской цивилизации с либеральной природой западного капитализма вело пореформенную Россию в исторический тупик. Из этого лобового столкновения был один выход — переход на новый уровень исторического развития — не Первый мир, но и не Третий. Тогда — это Второй мир — мир социализма. По своему происхождению он не может исторически длительное время быть Вторым. Либо он превзойдет Первый мир, либо Первый мир расправится со

своим историческим конкурентом и более того — антагонистом. И тогда, можно сказать, начинается их новое противостояние.

На переломе веков Западная Европа только и говорила о социализме, приходящем на смену индустриальному капитализму. По мнению английского историка Э. Хобсбаума, когда началась Первая мировая война, стало «очевидным, что прежний мир обречен... Человечеству нужна была альтернатива... Социалистические партии, опираясь на поддержку растущего рабочего класса своих стран и вдохновленные верой в историческую неизбежность его победы, олицетворяли эту альтернативу в большинстве стран Европы»¹⁷. Даже теоретик либерализма Ф. Хайек в своей работе «Дорога к рабству» вынужден был признать, что «к концу XIX в. доверие к основным принципам либерализма стало стремительно падать... Все более широкое распространение получала точка зрения, что дальнейшее развитие невозможно на том же фундаменте, что общество требует коренной реконструкции. Речь шла при этом не о совершенствовании старого механизма, а о том, чтобы полностью его демонтировать и заменить другим»¹⁸. Судьба марксистского социализма в России сложилась иначе, чем в Западной Европе. Как пишет Н.А. Бердяев, «большевизм оказался наиболее верным русским исканием универсальной социальной правды, понятой максималистически, и русским методом управления и властвования насилием»¹⁹.

Ситуация сложилась так, что пореформенная Россия оказалась в историческом тупике и выхода из этого тупика не было, кроме разрушения империи. Предпосылки Революции 1917 г. должны рассматриваться в тесной связи с преобразованиями, начатыми Александром II, которые прямым ходом вели страну к грандиозной социальной катастрофе²⁰.

Второй мир и особый, национальный путь развития формируются в Советской России постепенно, но шаги эти вполне различимы. В чем смысл Второго пути? Это не Первый путь, когда (западно-) европейский социализм может стать закономерным следствием (западно-) европейского капитализма в результате социалистической, пролетарской революции, как о том писали классики марксизма. Но Второй мир это и не крестьянский социализм Третьего пути.

Отличительные черты формирующегося Второго мира

1. Создание СССР в декабре 1922 г. означало, что была найдена новая конкретно-историческая форма государственного устройства. Вскоре стало ясно, что в рамках СССР начинается восстановление многих сущностных черт матрицы российской государственности. Строительство высоко централизованного государства завершилось к концу 30-х гг. (некоторые историки говорят о красной, или советской империи). Эта была естественная трансляция матрицы государствен-

ности в новые исторические условия и, как показало время, эта матрица вновь обнаружила свою эффективность и потому не она была причиной распада Советского Союза в начале 90-х гг. XX в.

2. Новый принцип включения России в мировую систему отношений между государствами. Россия перестает быть частью капиталистической мир-системы в качестве периферийной империи, и постепенно ее путь выстраивается как альтернативный, идущий параллельно существующей капиталистической системе. Страна становится суверенным государством. С экономической зависимостью от Запада было покончено быстро — отказ от огромных долгов царского правительства, национализация крупной западной и отечественной собственности, введение золотого червонца, индустриализация с опорой на собственные силы. Но сохранение экономической отсталости а, следовательно, и военной ставит под угрозу само существование Второго мира.

3. Преодоление отсталости не рассматривается уже как догоняющая модернизация. Это проблема решения собственных задач, возникающих при движении по альтернативному пути развития и создания нового общества, но уже на некапиталистической основе. Историк А.И. Фурсов назвал это главное качество нового общества системным антикапитализмом²¹. Другими словами, Россия сама становится мир-системой, альтернативной системой, противостоящей на мировой арене капиталистической мир-системе.

Россия как великая держава не могла более существовать в ранге периферийной империи, страны зависимого и отсталого капитализма. Но как великая держава не могла она и просто «опуститься» до уровня страны Третьего, колониального и полуколониального мира.

Второй путь начинает приобретать определенные социальные очертания, когда И. Сталин выступил с идеей построения социализма в одной стране. Возвращение к матрице российской государственности означало фактический отказ от всех форм частной капиталистической собственности и рыночной экономики. Складывается распределительная плановая экономика при решающей роли государственной собственности и единовластие, которое заложено в природе высокоцентрализованной «вертикали власти».

4. Решающим фактором построения в стране некапиталистического социализма в отличие от европейской модели посткапиталистического социализма становится отказ от политики нэпа. Это вовсе не было поражением Октябрьской революции. Это был еще один шаг по пути строительства в стране Второго мира. Ленинская идея нэпа как коренное изменение точки зрения на социализм явилась гениальным прозрением, но в аспекте практической реализации была преждевременной. И как показали последующие события, нэп мог стать практически востребованной теорией: время для него пришло

во второй половине 80-х гг. XX в., и на первых этапах он становится одной из важных целей перестройки. Но затем победили другие силы с другими представлениями о целях перестройки.

В дискуссиях по поводу нэпа в середине 20-х гг. все более важное место занимает проблема внешнеполитического положения страны, резкого увеличения влияния внешних факторов на развитие страны в перспективе 15–20 лет, которые становятся все более угрожающими. Отсталость экономики делает страну весьма уязвимой с точки зрения отражения внешних угроз. Образ осажденной крепости достаточно точно передает своеобразие складывавшихся отношений с Западом.

5. Самая главная проблема Второго мира состоит в том, что сама возможность строительства нового общества требует радикального разрыва с прошлым. Второй мир мог состояться при условии, если государственный корабль успешно пройдет между Сциллой и Харибдой. Сцилла — это страшное чудовище, живущее в пещере и питающееся людьми, опасность его можно представить в виде бесконечного стремления к накоплению богатств, к личному обогащению и безудержному потреблению вещественных, зримых благ, стремление, которое может погубить не только возвышенные идеалы, но и самого человека. Это стремление имело в те времена четкое обозначение — мещанство. Еще А.И. Герцен, приехав во Францию в конце 40-х гг. XIX в., был поражен размерами мещанства во французском обществе. Это обстоятельство сыграло не последнюю роль в его стремлении найти социалистическую альтернативу для России. Проблемы, вызванные нэпом, не сводятся только к быстрому росту мелкой буржуазии и мелкобуржуазной тяги к постоянному обогащению. Это было стремление к обрастанию бытом, безразличие к общественным проблемам и погружение в мир мелких эгоистичных интересов, одним словом, то самое мещанство, которое проникает вглубь и партийных верхов, и рабочего класса, и конечно интеллигенции. В тех условиях это был прямой путь к перерождению, к утрате революционных целей и революционных завоеваний. Нужно было ликвидировать массовый источник, порождающий мещанство — частную собственность.

Харибда — все поглощающий морской водоворот, морская пучина. С ней можно связать всю опасность, происходящую от многообразия традиционных ценностей, обычаев и нравов крестьянства, сохраняющего общинное земледелие и общинный образ жизни, постоянную связь с церковью. Общинное крестьянство представляло собой значительное большинство населения страны, не говоря уже про народы Кавказа и Средней Азии. Если не разорвать эту многовековую «сращенность» крестьянина с землей и традицией, никакого нового строя в деревне, никаких условий не смогло бы сформироваться в ней для строительства социализма.

Нужен был решительный революционный разрыв с традиционным укладом жизни на селе. Приобщение крестьянства к ценностям

индустриального общества и городского быта носило тяжелый и весьма болезненный характер. Предельная острота названных двух проблем воспринималась властью и революционно настроенной частью общества как самая большая опасность для построения нового общества. Не в последнюю очередь и по этой причине возникает мобилизационный тип строительства социализма в одной стране.

Решению этих двух проблем способствовала не только идеология строительства социализма, но и культурная революция в стране. В.М. Межуев точно пишет об основном пункте ленинской теории культуры — «о необходимости соединения культуры с революционной деятельностью масс, с их созидательной (хозяйственной, организационной, политической) работой»²².

Самой главной целью культурной революции было возрождение революционного энтузиазма первых лет революции. Революционный энтузиазм был единственным средством, которое помогало человеку разорвать с миром мещанских и многовековых традиционных ценностей, сформировать систему социалистических ценностей. Полностью, конечно, совершить такой разрыв для миллионов людей невозможно, но ценой больших жертв и социальных потрясений в общественном сознании удалось добиться коренного социально-психологического перелома.

6. Новое общество строится, прежде всего, сверху, потому что необходимо выстроить государственные органы власти, всю политическую систему, какой бы несовершенной она ни оказалась. Коммунистическая партия-авангард, приходящая к власти, начинает строить принципиально новое социалистическое, по своей сущности, государство. Так было в СССР, так было и в КНР. Партия авангардного типа есть строитель новой конкретно-исторической формы государства. В этой связи партию нередко так и называют: партия — государство. Некоторые авторы резко критикуют за это партию. В частности, историк Р. Медведев пишет о том, что «партия стала назначать на высшие государственные посты в первую очередь членов партии». Тем самым «партийный аппарат превращался постепенно в важнейшую часть государственной системы»²³. Все было гораздо сложнее в деле государственного строительства.

Именно в строительстве всех звеньев социалистического государства, в создании практически с нуля нового типа государственности и заключается историческая роль компартии, приходящей к власти в результате победы революции. В этой связи китайским революционером Сунь Ятсеном в 1918 г. были высказаны важные мысли о том, что «революционная партия, приступающая к созданию китайского государства на совершенно новой основе, должна выполнить свой долг... должна помочь подлинному хозяину республики стать на ноги, а основе государства укрепиться. Хозяина нашей республики

(народ) можно сравнить с новорожденным, а нашу революционную партию с его матерью. Вот почему наша революционная программа устанавливает специальный период политического характера, чтобы взрастить и воспитать этого хозяина и вернуть ему власть, когда он станет совершеннолетним»²⁴. Таким специфическим способом были построены основы индустриального, но некапиталистического социализма в СССР. В своем начальном существовании он опирался на партийно-государственный аппарат, который выстраивает все общество, все социальные отношения.

Но в этой специфике заложена большая, если не сказать смертельная, опасность для возникавшего нового общественного строя, когда его строительство идет при подавляющем воздействии сверху. Революция может быть успешной в широкой исторической перспективе при условии соединения социализма, формируемого сверху — от партии — государства, и социализма, вырастающего снизу, при участии народа в решении стратегических задач развития.

Тайна и трагедия Второго пути состоит в том, что для своего становления он должен был пожертвовать традициями прошлого и работой, основанной на материальном интересе, на стремлении каждого человека к индивидуальному обогащению. А если не пожертвовать ими абсолютно, то ограничить их, подчинить, где добровольно, а где и не добровольно, решению общегосударственных задач. Но как только мобилизационная модель строительства основ социализма исчерпала себя с окончанием войны и послевоенного восстановления, власть была вынуждена вновь вернуться к этим вопросам. И даже скорее не власть, само общество поднимало их. Для нового прорыва в будущее требовалась уже не прореволюционная жертвенность, а новая, более мощная культурно-историческая опора и новое понимание связи материальных и духовных ценностей.

Оттепель, перестройка и гибель Второго мира

Когда в послевоенные годы, в обстановке холодной войны наступила оттепель, возникла острая потребность в том, чтобы в новых условиях сохранить верность идеалам революции. Критическими для Второго пути оказались 60-е гг. Важно было найти правильные решения новых задач, прежде всего, в теоретическом плане. К сожалению, научная мысль в то время с этим не справилась, поскольку теория развития социалистического общества была подменена идеологией и пропагандой. Смысл стоявшей тогда задачи заключался в том, чтобы суметь использовать стремление человека к материальному благополучию, с одной стороны, и его обращение к многовековым традиционным ценностям, с другой, для дальнейшего движения по социалистическому пути. А эти стремления стали быстро развиваться и скорее разрушать веру в идеалы социализма, чем укреплять ее. В эпоху наступавшей грандиозной научно-технической

революции, постиндустриализма и обострения цивилизационных противоречий требовалось новое понимание социализма. Необходимо было еще раз пройти между Сциллой и Харибдой, но уже по-другому, с учетом критически осмысленного исторического опыта.

В условиях информационной открытости начинается мощное информационное воздействие Запада. Открытость приводит к тому, что западные ценности обретают привлекательность, и либеральные идеи становятся весьма популярными в кругах интеллигенции и значительной части партгосноменклатуры. Удаление от Запада постепенно сменяется сближением с ним. Начинается новый цикл в отношениях СССР (России) с Западом, а потому в советском обществе разгорается открытая идейная борьба между сторонниками и противниками сближения с Западом, которая в высших эшелонах власти приобретает весьма скрытый и непримиримый характер.

В этой ситуации для Второго мира наступил момент истины. Было ли в обществе осознание необходимости переосмысления целей революции? Было и весьма острое. Огромный пласт литературы, поэзии, кино конца 50-х — 60-х гг. ставит вопрос о том, как дальше жить, как сохранить верность идеалам Октябрьской революции.

Борьба против мещанства в начале 60-х гг. означала тогда и борьбу против влияния Запада с его потребительством и вещизмом. Но мещанство постепенно побеждает на всех уровнях социальной лестницы, оно оказывает все более разлагающее влияние на общество и его идеалы. Впрочем, в борьбу с мещанством включается другое мощное оружие — многовековые традиционные ценности, к которым призывают вернуться писатели, названные тогда «деревенщиками».

В начале 70-х гг. в обществе становится доминирующей тенденция стабильности, отказа от реформ и сближения с Западом. Прежде всего, это выразилось в постепенном стремлении войти в капиталистический мир-систему. Альтернативная капитализму советская система социализма идет на сближение с ним, не чувствуя смертельной опасности, нависшей над ней. Это сближение делает для всех очевидным факт отставания от развитых капиталистических стран по наиболее важным показателям. Раз уж страна решила перевести отношения с Западом в плоскость мирного сосуществования, то стремление догнать его, пути и средства решения этого вопроса выходят на первый план. Факты отставания дают материал для более широких обобщений, встает вопрос: а правильным ли курсом идет страна. Когда М.С. Горбачев в докладе о 70-летию Октябрьской революции говорил о том, что революция продолжается, что перестройка есть «сравнительно длительный процесс революционного обновления общества»²⁵, независимо от всех последующих его действий и их оценок, это был верный поворот мысли.

Да, нужно было подвести итоги Второго пути, найти новое понимание социализма, переосмыслить революционные идеалы и цели. Однако последовавшие за этими красивыми словами радикальные реформы М.С. Горбачева по демократизации общественной жизни и экономических отношений имели катастрофические последствия. Правящая элита, наиболее влиятельная часть партгосноменклатуры, решила сменить ориентиры и отказаться от социализма как цели и идеала. Получилось так, что реформы оказались прикрытием или этапом на пути отказа от завоеваний революции. Октябрьская революция закончилась 6 октября 1993 г., когда Ельцин отменил Пост № 1 у мавзолея Ленина. Второй мир, находившийся между Западом и странами Третьего мира, в результате антисоциалистического курса реформ был заведен в исторический тупик и рухнул. Повторился сценарий пореформенной России времен Николая II.

Многие авторы категорически настроены против советской формы государства — это была, мол, красная, или советская империя, и она должна была рано или поздно развалиться. Но история говорит о другом. В начале 90-х гг. страна пережила тяжелейшую геополитическую катастрофу. Удивительно, но Российская Федерация вновь воспроизвела матрицу российской государственности буквально с первых дней своего существования, когда была принята Конституция 1993 г. А еще через несколько лет Россия воспроизвела ситуацию столетней давности, сложившуюся в пореформенной России. Она стала страной отсталого и зависимого капитализма. В Первый мир ее не пустили. Но не стала она и развивающейся страной хотя бы в статусе большой региональной державы. Перевести Россию в Третий мир, в развивающиеся страны можно, если добиться развала теперь уже Российской Федерации, но, похоже, Россия отступила от этой опасной черты и всерьез рассчитывает восстановить статус великой державы.

Таким образом, будущее России в стратегическом смысле не лежит на путях формирования капитализма как целостной системы. Второй мир для России — это ее историческая судьба. Только на этом пути сегодня могут открыться перед нею новые горизонты прогресса и процветания. На новом этапе глобализации мир становится полицентричным. Решающую роль в нем начинают играть экономически мощные государства или союзы государств, представляющие собой отдельные цивилизации — Китай, Индия, Иран, Европейский Союз, Евразийский экономический союз, США. В их борьбе и взаимодействии складываются основные тенденции мирового исторического процесса. Обращают на себя внимание выдающиеся успехи Китайской Народной Республики в деле построения социализма с китайской спецификой.

В начале статьи приводились слова А.С. Панарина о том, что Второй мир — это российская цивилизация. Теперь это правильное, по сути, определение можно существенно дополнить. По аналогии с Китаем

Второй мир возможен сегодня в России как социализм с российской цивилизационной спецификой в самом широком смысле этого понятия. Сейчас трудно говорить о каких-то практических шагах по вступлению страны на этот путь, о самой вероятности в обозримом будущем такого поворота в жизни страны. Он связан с проблемой формирования политического субъекта новых радикальных преобразований, но в первую очередь, со сменой политического курса и модели экономики при определяющей роли властного фактора сверху.

Второй мир как судьба России следует из всей логики российской истории последних столетий. Пока существует капитализм как мировая экономическая система, в ее центре нет места для России. Всякий раз, когда она приближалась к Европе, полная радужных ожиданий, ей всегда жестко указывали, что ее место — зависимой и отсталой периферии капиталистической системы. Нынешний этап притяжения России к Европе, по-видимому, завершается. В очередной раз он привел к их взаимному разочарованию. Россия постепенно меняет вектор стратегического развития. Из нацеленного на Европу, из европейского, он становится направленным от Европы в том смысле, что теперь российские политики проявляют все больший интерес к Китаю, к странам Юго-Восточной Азии, к Дальнему Востоку, куда перемещается центр экономического развития. Россия вновь начинает связывать свои стратегические интересы с Востоком. Сегодня происходит поистине тектонический сдвиг в отношениях России со своими незападными соседями.

Вектор политики на удаление от Европы включает в себя также и оправдание, и демонстрацию преимуществ собственного пути развития, отказ от уподобления Западу и превращения в «нормальное» европейское государство. Первым шагом на этом пути становится формирование Евразийского Союза. Тем самым российская цивилизация еще раз демонстрирует свой незападный характер. Матрица российского государства, которая сегодня постепенно формирует оптимальную структуру власти, еще раз показала, что она действительно существует. Она никуда не исчезла и не могла исчезнуть. Наиболее существенные черты этой матрицы постоянно воспроизводят себя, поскольку этого требует выживание государства, сохранение его жизнеспособности, тем более в условиях растущих угроз самому существованию Российской Федерации. Любопытно, как один из ярких представителей радикального либерализма Л. Шевцова характеризует сложившуюся ситуацию в своей недавно вышедшей книге «Одинокая держава. Почему Россия не стала Западом и почему России трудно с Западом?»: «Если речь идет о сближении с Западом, то России придется, видимо, пойти по пути “подчиненного” либерально-демократического развития, по которому шли страны Центральной и Восточной Европы... Державничество строится на отталкивании России от Запада»²⁶. Так что стране, по ее

мнению, нужно сделать окончательный выбор между «подчиненным» развитием и державничеством. Похоже, что страна сегодня ясно показывает, какой она делает выбор.

В нынешних условиях только новая историческая форма высокоцентрализованного (импероподобного) государства может сделать Россию сильным и самостоятельным игроком на мировой арене. Разумеется, здесь не имеется в виду возвращение к православной до-reволюционной империи Романовых и приглашение на престол дальних родственников последнего царя. И дело не в апологии государства. Российская матрица государства имеет много достоинств и недостатков, но речь идет о тех условиях, при которых государство в состоянии удерживать высокий уровень жизнеспособности. Конечно, в истории далеко не случайными были кризисы и распады прежних конкретных форм российского государства. (В другой стилистике говорят в литературе о смерти и воскрешении государства как его судьбе.)

В современной ситуации на первое место среди внутренних задач государства выходят достижения реальной политической стабильности и социальной консолидации российского общества. Согласно Конституции 1993 г., Российская Федерация есть социальное государство. Реализация целей и задач социального государства сегодня отодвинута властью на задний план, но рано или поздно обществу и власти придется встать на путь реального строительства социального государства как самой важной гарантии устойчивого существования государства российского. И это будет началом становления новой исторической формы того, что названо нами Вторым миром, или социализмом с российской цивилизационной спецификой. Новый социализм, социализм XXI в. может быть только сознательным выбором граждан каждой страны, но сегодняшнее общество не готово к такому выбору. И к нему не приближает никакая догматическая вера в неизбежность исторического прогресса. Только через активное вовлечение в сознательную и самостоятельную деятельность все более широких слоев населения можно прийти к свободному выбору нового, более высокого общественного строя, основанного на самоорганизации, на гуманизме, справедливости, высокой духовности и стремлении каждого человека к своему развитию и совершенствованию.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Свободное Слово. Интеллектуальная хроника десятилетия. 1985 – 1995. – М., 1996. С. 494. В том же 1994 г. Б.Г. Капустин ставит тот же самый вопрос: «Почему универсальная цивилизация, созданная Западом, “не впускала Россию в себя”»? (Капустин Б.Г. Россия и Запад: пути к миру миров // Цивилизации и культуры. Вып. I. – М., 1994. С. 21).

² См.: В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. Хрестоматия по истории российской общественной мысли XIX и XX веков / сост. Н.Г. Федоровский. – М., 1997.

³ См.: Платонов О. Русская цивилизация. – М., 1992.

- ⁴ Эпоха Николая I / под ред. М.О. Гершензона. – М., 1911. С. 4.
- ⁵ Чаадаев П.Я. Соч. – М., 1989. С. 172.
- ⁶ Вандам А.Е. Наше положение. – СПб., 2009. С. 144.
- ⁷ Фурсов А.И. Капитализм как заговор. Т. 1. 1520 – 1870 гг. // DECONSPIRATIONE: сборник монографий / сост. А.И. Фурсов. – М., 2014; Мир, который мы покидаем, мир, в который мы вступаем, и мир между ними. (Капитал(изм) и Модерн – схватка скелетов над пропастью?) // De futuro, или История будущего. – М., 2008. С. 255 – 304; Конспирология, капитализм и история русской власти // Брюханов В.А. Трагедия России. Цареубийство 1 марта 1881 г. – М., 2007. С. 7 – 69.
- ⁸ Кантор В.К. «...Есть европейская держава». Россия: трудный путь к цивилизации. Историософские очерки. – М., 1997. С. 117.
- ⁹ Янов А. Драма патриотизма в России. 1855 – 1921. – М., 2009. С. 55.
- ¹⁰ Тойнби А. Цивилизация перед судом истории. – М., 1974. С. 158.
- ¹¹ Ильин И.А. Собр. соч. В 10 т. Т. 6. Кн. 2. – М., 1996. С. 478 – 479.
- ¹² Wallerstein I. The Modern World-System III. The Second Era of Great Expansion of the Capitalist World-Economy, 1730 – 1840s. – San Diego, 1989. P. 152.
- ¹³ См. подробнее: Лист Ф. Национальная система политической экономии. – М., 2005, а также помещенный в этой книге комментарий к ней С.Ю. Витте.
- ¹⁴ Цит. по: Меньшиков М.О. Как воскреснет Россия? – СПб., 2007. С. 484.
- ¹⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 417.
- ¹⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 17. С. 33.
- ¹⁷ Хобсбаум Э. Эпоха крайностей. Короткий двадцатый век (1914 – 1991). – М., 2004. С. 67.
- ¹⁸ Хайек Ф. Дорога к рабству // Вопросы философии. 1990. № 10. С. 124.
- ¹⁹ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М., 1990. С. 93.
- ²⁰ См. подробнее: Шевченко В.Н. В.И. Ленин: исторический тупик Российской империи и будущее России // Русский марксизм: Г.В. Плеханов, В.И. Ульянов (Ленин). – М., 2013.
- ²¹ См., например: Фурсов А.И. Сталин и ветер истории // Вперед, к победе! Русский успех в ретроспективе и перспективе. – М., 2014. С. 142 – 152.
- ²² Межуев В.М. Ленинская теория культурной революции // Русский марксизм: Г.В. Плеханов, В.И. Ульянов (Ленин). С. 351.
- ²³ Медведев Р. Русская революция 1917 года: победа и поражение большевиков. – М., 1997. С. 108.
- ²⁴ Сунь Ятсен. Избранные произведения. – М., 1964. С. 241.
- ²⁵ Горбачев М.С. Октябрь и перестройка. – М., 1987. С. 31.
- ²⁶ Шевцова Л. Одинокая держава. Почему Россия не стала Западом и почему России трудно с Западом? – М., 2011. С. 26, 135.

REFERENCES

- Bryukhanov V.A. Tragediya Rossii. Tsareubiystvo 1 marta 1881 goda. – Moscow, 2007. P. 7 – 69.
- Chaadayev P.Y. Sochineniya. – Moscow, 1989.
- Fursov A.I. Kapitalizm kak zagovor. Vol. 1. 1520 – 1870 // Fursov A.I. (ed.) O Zagovore: sbornik monografiy. – Moscow, 2014.
- Fursov A.I. Stalin i veter istorii // Vpered k pobeде! Russki uspeh v retrospektive i perspektive. – М., 2014.
- Epokha Nikolaya I / M.O. Gershenzon (ed.) – Moscow, 1911.
- Gorbachev M.S. Oktyabr' i perestroyka. – Moscow, 1987.
- Hayek F. Doroga k rabstvu // Voprosy filosofii. 1990. No. 10.
- Hobsbawm E. Epokha kraynostey. Korotkiy dvadtsatiy vek (1914 – 1991). – Moscow, 2004.
- Ilyin I.A. Sobraniye sochineniy v 10 tomakh. Vol. 6. Book 2. – Moscow: 1996.
- Kantor V.K. Rossiya i Zapad: puti k miru mirov // Tsivilizatsii i kul'tury. – Moscow, 1996. Issue 1.

- Lenin V.I.* Polnoye sobraniye sochineniy. Vol. 16. – Moscow, 1973.
Lenin V.I. Polnoye sobraniye sochineniy. Vol. 17. – Moscow, 1968.
Medvedev R. Russkaya revolyutsiya 1917 goda: pobeda i porazheniye bol'shevikov. – Moscow, 1997.
Men'shikov M.O. Kak voskresnet Rossiya? – Saint Petersburg, 2007.
Mezhuyev V.M. Leninskaya teoriya kul'turnoy revolyutsii / Russkiy marksizm: G.V. Plekhanov, V.I. Ul'yanov (Lenin). – Moscow, 2013.
Platonov O. Russkaya tsivilizatsiya. – Moscow, 1992.
Shevchenko V.N. V.I. Lenin: istoricheskiy tupik Rossiyskoy imperii i budushcheye Rossii // Russkiy marksizm: G.V. Plekhanov, V.I. Ulyanov (Lenin). – Moscow, 2013.
Shevtsova L. Odinskaya derzhava. Pochemu Rossiya ne stala Zapadom i pochemu Rossii trudno s Zapadom. – Moscow, 2011.
Sombart W. Burzhua. – Moscow, 1924; 1994.
Spengler O. Prussachestvo i sotsializm. – Moscow, 2002 i dr.
Sun Yat-sen. Izbranniye proizvedeniya. – Moscow, 1964.
Toynbee A. Tsivilizatsiya pered sudom istorii. – Moscow, 1974.
Vandam A.E. Nashe polozheniye. – Saint Petersburg, 2009.
Volodin A.I. (ed.) Odnazh luchshikh rabot obobshchayushchego kharaktera: Utopicheskiy sotsializm v Rossii. Khrestomatiya. – Moscow, 1985.
Wallerstein I. The Modern World-System III. The Second Era of Great Expansion of the Capitalist World-Economy, 1730 – 1840s. – San Diego, 1989.
Yanov A. Drama patriotizma v Rossii. 1855 – 1921. – Moscow, 2009.
Mir, kotoriy my pokidayem, mir, v kotoriy my vstupayem, i mir mezhdu nimi. (Kapitalizm) i Modern – skhvatka skeletov nad propast'yu? // De futuro, ili Istoriya budushchego. – Moscow, 2008. P. 255 – 304.
Svobodnoye Slovo, Intellektual'naya khronika desyatiletiya. 1985 – 1995. – Moscow, 1996.
V poiskakh novogo puti: Rossiya mezhdu Yevropoy i Aziyey. Khrestomatiya po istorii obshchestvennoy mysli XIX – XX vekov. – Moscow, 1997.

Аннотация

В статье раскрывается становление понятия «Второй мир». С содержательной точки зрения, реальное появление Второго мира – мира социализма оказалось важнейшим историческим результатом Октябрьской Революции 1917 г. Обращается большое внимание на предысторию Второго мира, которая связана с поисками Россией на протяжении последних столетий своего национального, или собственного пути развития. Выдвигаются аргументы в пользу интерпретации российской истории (в то числе и советского периода) как сложного процесса становления индустриального и вместе с тем некапиталистического общества.

Ключевые слова: матрица российской государственности, революция 1917 г., Второй путь, англосаксонский капитализм, социализм, системный антикапитализм, внешний фактор, революционный энтузиазм, традиционные ценности, мещанство, российская цивилизация, перестройка.

Summary

The article shows the notion of the «Second World» in its making. As a matter of fact, the Second World, the socialist world, appeared as the most important historical result of the October Revolution of 1917. Much attention is paid to the events leading up to the Second World in Russia's search for its national or independent way of development over the last centuries. Arguments are proposed for the interpretation of Russian history (including the Soviet period) as a complex process of the emergence of an industrial and at the same time non-capitalist society.

Keywords: Russian statehood matrix, Revolution of 1917, the Second Way, Anglo-saxon capitalism, socialism, systemic anti-capitalism, external factors, revolutionary enthusiasm, traditional values, philistinism, Russian civilization, perestroika.